

А.В. Гартман

Хронология похода Батые на Северо-Восточную Русь

Монгольское нашествие как неотъемлемая часть российской истории и часть общеисторического ее развития в разное время рассматривалось историками по-разному. Оценивая его значение и последствия, они уделяли внимание в основном политической, экономической и социальной истории русско-монгольских отношений. Несомненно, данные аспекты в контексте проблемы монгольского нашествия на Русь являются одними из важнейших в силу их принципиальной значимости для этнической самоидентификации наших современников, но при изучении данного исторического периода нередко игнорируется хронологический аспект, что приводит к искажению исторических фактов. Известно, что без установления четких датировок невозможно воспроизведение истинной картины событий. Только внимательное изучение и восстановление хронологии русско-монгольских отношений позволит глубже познать, оценить и проанализировать события, а иногда и кардинально пересмотреть некоторые устоявшиеся исторические знания. Решению этой задачи и посвящается наша статья.

Основным источником хронологического исследования являются летописи. Наше исследование также опирается на сведения некоторых летописных источников, описывающих нашествие монгольского хана Батые на Русь. В контексте данной темы наиболее интересной и неоднозначной представлена в летописных источниках информация о походе Батые на Владимирскую землю. Основными источниками здесь являются Лаврентьевская, Новгородская первая и Софийская первая летописи.

Известно, что после осады и успешного взятия Рязани Батые направил свои войска на Владимиро-Суздальскую землю. После разгрома Москвы они повернули на северо-восток и подошли к Владимиру. Если мы откроем современные учебники по истории, то при описании прихода войск Батые к Владимиру встретим такую датировку – 3 или 4 февраля 1238 г. Многие хронологические таблицы дают нам эту же устоявшуюся датировку, например в журнале «Родина» [1, с. 102]. В летописях же датировки этого события разные. Обратимся конкретно к летописным текстам. Новгородская первая летопись так датирует взятие Владимира – в пятницу перед мясопустной неделей 6746 г. от Сотворения Мира: «*Взяша град и запалиша огнемъ в пятокъ преже мясопустныя недѣли...*» [2, стб. 76]. Лаврентьевская же летопись указывает нам более полную и отличную от новгородской датировку – 3 февраля во вторник за неделю

до мясопуста, затем монголы взяли Суздаль и вновь подошли к городу в субботу мясопустную. Взяли Владимир они, согласно тексту Лаврентьевской летописи, 7 февраля в мясопустную неделю на память святого Феодора Стратилата в 6745 г. от Сотворения Мира: «*Придоша татарове к Володимерю мѣсяца февраля въ 3 во вторникъ преже мясопуста за неделю... В недѣлю мясопустную по заутрени приступиша к городу мѣсяца февраля въ 7 на память святого мученика Феодора Стратилата...*» [3, стб. 517]. Мы знаем, что общепризнанной датой покорения Владимира считается 3 или 4 февраля 1238 г., которую и дает нам Новгородская первая летопись, упоминая в 6745 г. от Сотворения Мира лишь появление небесного знамения.

Обратимся вновь к Лаврентьевской летописи. Известно, что в 6745 г. от Сотворения Мира 3 февраля – это вторник, следовательно, 7 февраля (день св. Феодора Стратилата) должно быть воскресеньем (неделей), как указывает нам летопись. Однако в 6745 г. от Сотворения Мира 7 февраля было субботой, а, следовательно, 8 февраля – воскресеньем. Упомянутый здесь же день св. Феодора Стратилата также отмечается в святцах 8 февраля. Значит, логично предположить, что Владимир был взят не 7, а все же 8 февраля. Тогда откуда же появилось в тексте Лаврентьевской летописи 7 февраля, которое не укладывается в логику изложения? Скорее всего, летописец просто соединил две датировки при невнимательной переписке из протографа: время второго подхода к Владимиру (в субботу мясопустную) и время его взятия (в воскресенье 8 февраля), следовательно, 7 февраля – это день подхода, а не взятия города. Штурм же начался 8 февраля в день св. Феодора Стратилата в воскресенье 6745 г. от Сотворения Мира. Такое соединение могло возникнуть в результате смешения двух календарных стилей – мартовского и ультрамартовского, что часто встречается в летописных текстах. Ультрамартовский год опережает мартовский на 12 месяцев, следовательно, 7 февраля летописец посчитал по ультрамартовскому стилю, т.е. по 6746 г. от Сотворения Мира, где 7 февраля было воскресеньем (неделей), а номер года автоматически переписал из протографа.

Теперь вспомним, что переписчик текста Лаврентьевской летописи указывал нам не только календарную дату, но и название пасхальных недель: 3 февраля за неделю до мясопуста монголы подошли к Владимиру, а 7 февраля в неделю мясопустную город был взят. Согласно пасхальному календарю, пред-

шествует мясопустной неделе неделя Блудного сына, следовательно, подошли монголы к городу 3 февраля во вторник в неделю Блудного сына. Затем летописец указывает на 7 февраля (как мы выяснили субботу), в неделю мясопустную, когда монголы вновь начали осаждать Владимир и 8 февраля взяли город. Но если 3 февраля – это неделя Блудного сына, то мясопустная суббота должна быть не 7, а 14 февраля, т.е. через неделю. Но летописец называет нам в статье 6745 г. от Сотворения Мира мясопустную субботу и воскресенье, следовательно, вторник на этой неделе не мог относиться к другой предпасхальной неделе. Отсюда можно сделать вывод, что первая датировка (3 февраля), скорее всего, не предшествует мясопустной неделе, а падает именно на нее, т.е. захватчики подошли к Владимиру перед сыропустной неделей. В контексте данной проблемы представляется интересной гипотеза А.Ю. Бородихина, который замечает, что расширение летописцем датировки взятия монголами Владимира несет определенную смысловую нагрузку. Так, если в Новгородской первой летописи указано, что это произошло «в пяток прежде мясопустной недели», то в Лаврентьевской летописи указана, как мы помним, иная дата: «в неделю мясопустну». А.Ю. Бородихин, заметивший этот нюанс, истолковал его следующим образом: поскольку мясопустная неделя в православной традиции называется еще и неделей о Страшном Суде, можно полагать «неслучайным стремление переписчика Лаврентьевской летописи соединить в сознании читателей эти два события: Страшный Суд и наказание божие Русской земле нашествием татар» (цит по: [4, с. 147]). Итак, мы выяснили, что 3 февраля 6745 г. от Сотворения Мира в неделю мясопустную монголы подошли к Владимиру, 7 февраля началась осада, а 8 февраля город был взят.

Теперь вспомним, что Новгородская первая летопись датирует покорение монголами Владимира 6746 г. от Сотворения Мира, упоминая в 6745 г. от Сотворения Мира лишь небесное знамение. Здесь следует вспомнить выводы, сделанные Н.Г. Бережковым, который утверждал, что события 6745 мартовского года от Сотворения Мира даны в Новгородской первой летописи в двух статьях: под мартовским обозначением года – 6745 и ультрамартовским – 6746 [5, с. 270]. Таким образом, в статье 6746 г. от Сотворения Мира дана информация об основных завоеваниях монголов, которые на самом деле начались еще в последние месяцы 6745 г. от Сотворения Мира. Лаврентьевская же летопись, как и положено, относит первые завоевания монголов к 6745 г. от Сотворения Мира. Следовательно, в статье 6746 г. от Сотворения Мира Новгородской первой летописи произошло наложение ультрамартовского года на мартовский. Все это еще раз доказывает, что Владимир был взят в феврале 6745 г. от Сотворения Мира, а не в 6746 г. от Сотворения Мира.

Еще один яркий пример наложения годовых стилей – это описание в летописных текстах битвы на р. Сить. Лаврентьевская летопись упоминает о ней в конце статьи 6745 мартовского года от Сотворения Мира, но датирует ее 4 марта, т.е. уже следующим 6746 г. от Сотворения Мира. Здесь летописец размывает конечные границы одного года и начальные границы следующего. Видимо, у него были две датировки битвы на р. Сить, и он искусственно продлил границы одного года. Софийская первая летопись дает такую дату битвы – 4 марта 6746 г. от Сотворения Мира. Владимирский летописец упоминает ее и в 6745 и в 6746 гг. от Сотворения Мира, т.е. приводит и мартовскую, и ультрамартовскую датировки.

Также примечательным фактом является то, что Лаврентьевская летопись, описывая батыево нашествие, рассказывает, как за один месяц февраль 6745 г. от Сотворения Мира монголы взяли четырнадцать городов Владимирско-Суздальской земли: «Оттоле всю страну ту и города мнози поплениша Юрьев, Дмитровъ, Волокъ, Тверь... и до Торжка нет места идеже не повоеваша, и на всей стране Ростовской и Суздальской земле взяша городовъ четырнадцать... в одинъ месяц февралю кончевающуся лету 6745» [3, стб. 518]. Но в статье 6746 г. от Сотворения Мира она вновь упоминает о взятии Торжка в месяце марте 5 числа на средокрестье. Возникает вопрос – зачем летописцу понадобилось помещать одну и ту же информацию в двух разных годовых статьях? Очевидно, что повторение информации о взятии Торжка в статье 6746 г. от Сотворения Мира не может быть простой опиской летописца, так как во второй раз информация дается более полно с указанием точной датировки взятия города: «Оттоле придоша оканнии Измалтяне оступиша град Торжекъ на Зборъ по Федоровъ неделе и бишася пороки по две недели... и нужною смрътию предаша души своа... месяца марта 5 на средокрестье» [3, стб. 521].

Для того чтобы выяснить причину повторения одинаковой информации в разных годовых статьях и попытаться установить настоящую дату взятия Торжка, необходимо сравнить информацию Лаврентьевской летописи с информацией, которую дают нам другие летописные источники, в частности, Новгородская и Софийская первые летописи. Так, новгородский летописец приводит нам следующую информацию: «В лето 6746 года... оканънии взяша Москву, Переяславль, Юрьев, Дмитровъ, Волокъ, Тверь... Оттоле же придоша безаконнии и оступиша Торжекъ на зборъ чистой недели... и бишася ту оканнии пороки по две недели... И тако погани взяша градъ месяца марта въ 5 на память святого мученика Никона, въ среду средохрестъную» [2, стб. 76].

Схожую с новгородской информацию дает нам и Софийская первая летопись: «В лето 6746 года... придоша оканнии измалтяне, оступиша городъ Тор-

жокъ на сборъ по Федорове недели. И бишася пороки по две недели... Бедною и ноужною смертию предаша души своя Господеви месяца марта въ 5 день на средокрестие» [6, стб. 79].

Итак, во всех трех источниках мы находим одинаковую датировку взятия монголами Торжка – это 5 марта 6746 г. от Сотворения Мира. Отсюда мы можем сделать вывод, что, скорее всего, это и есть настоящая дата покорения захватчиками русского города, но почему же тогда лаврентьевский летописец упоминает о захвате Торжка в 6745 г. от Сотворения Мира? Мы знаем, что лаврентьевский летописец использовал мартовский стиль летоисчисления, а новгородский – ультрамартовский, который опережает мартовский на год. Выше мы выяснили, что Владимир был взят монголами в феврале 6745 г. от Сотворения Мира по мартовскому стилю. Этим же годом летописец Лаврентьевского источника датирует информацию о взятии Торжка и других русских городов, однако в 6746 г. от Сотворения Мира вновь рассказывает о Торжке. Очевидно, что в контексте данной информации 5 марта по мартовскому стилю относится уже к 6746 г. от Сотворения Мира, однако город осаждался монголами две недели, следовательно, осада началась еще 21 февраля 6745 г. от Сотворения Мира, т.е. за две недели до 5 марта. Это вполне может быть причиной того, что переписчик поместил одну и ту же информацию сначала под 6745, а затем под 6746 г. от Сотворения Мира, тем самым размывая годовые границы. Однако если бы это было так, летописец, упомянув в конце статьи 6745 г. от Сотворения Мира о взятии Торжка, следующую статью 6746 г. от Сотворения Мира начал бы с описания этого же события, но он помещает информацию о взятии города только в середине статьи 6746 г. от Сотворения Мира. Кроме того, информация в двух статьях дана по-разному: в статье 6745 г. от Сотворения Мира летописец вскользь упоминает о Торжке как об одном из множества покоренных русских городов, а в статье 6746 г. от Сотворения Мира он называет точную дату взятия, подробно описывая осаду. Создается впечатление, будто информация статьи 6746 г. от Сотворения Мира никак не связана с информацией 6745 г. от Сотворения Мира, и это вполне объяснимо. Известно, что текст Лаврентьевской летописи носит компилятивный характер, т.е. содержит информацию из разных источников. Нередко летописцы в одной годовой статье объединяли отрывки из разных протографов. Мы считаем, что дублирование информации о взятии монголами Торжка в разных годовых статьях летописи как раз является ярким примером такого текстового наложения. Можно привести еще несколько примеров, где информация аналогичным образом дублируется. Так, по словам М.Д. Приселкова, текст Лаврентьевской летописи в пределах 1193–1239 гг. является едва ли не труднейшей для анализа частью летописи.

По мнению исследователя, данный фрагмент носит сводный характер и основывается на двух летописных источниках: ростовском («свод Константина и его сыновей») и владимирском («свод великого князя Юрия Всеволодовича») [7, с. 136–142, 144–145]. Также М.Д. Приселков указывает на то, что при внимательном прочтении текста Лаврентьевской летописи в глаза бросается алогичность некоторых сообщений автора. Так, при описании гибели епископа Митрофана и женской половины княжеского дома Юрия летописец сообщает, что все они затворились от татар в главной церкви Владимира и были «запалены огнем», что, однако, не мешает епископу «помолиться» (приводится текст молитвы), и после этого автор летописи вновь говорит о страшной кончине всех этих лиц в огне: «...*Епископъ Митрофанъ и княгиня Юрьва с дочерью и съ снохами и со внучаты и прочая княгини множества бояр и людей затворишася в церкви... и тако огнем без милости запалиша и помоли же ся благолюбивый епископъ Митрофанъ... вся суцая ту люди... огнемъ скончашася...*» [7, с. 142–143].

Подобное утверждение мы можем найти и в работе Д.С. Лихачева, который говорит, что при внимательном прочтении в Лаврентьевской летописи рассказа о взятии Владимира Батыем, видно, что в рассказе этом дважды умирает князь Юрий Всеволодович. Сказав однажды «...*и ту убиень был князь Юрий*», летописец через несколько строк вновь помещает ту же информацию: «*И ту оубьень быс князь великий Юрий*» [8, с. 384]. Без сомнения, что ростовский источник называет Юрия князем, а владимирский – великим князем. Д.С. Лихачев замечает, что и некоторые другие события взятия Владимира не повторялись дважды, а были дважды записаны.

Мы считаем, что ярким примером текстового наложения является и упоминание взятия города Торжка в статьях 6745 и 6746 гг. от Сотворения Мира.

Еще одной причиной того, что Торжок не мог быть взят в феврале 6745 г. от Сотворения Мира является то, что монголы не смогли бы за один месяц февраль, как говорит Лаврентьевская летопись, взять четырнадцать хорошо укрепленных русских городов, защищали которые не только простые жители, но и княжеские дружинники – профессиональные воины. Один только город Торжок им пришлось осаждать две недели. Здесь уместно сравнить динамику монгольских походов на Руси с их продвижением на других территориях для того, чтобы понять, какое количество времени в среднем необходимо было монгольской армии для осуществления своих захватнических операций и насколько они схожи либо отличны от тех сроков, которые дает нам русская летопись при описании взятия монголами Владимиро-Суздальской земли.

Если вспомнить поход Чингисхана на Северный Китай, то завоевание данной территории осуществлялось монголами на протяжении нескольких лет.

Большая часть завоеваний была сделана с 1211 по 1215 г., когда была взята столица Северного Китая – Пекин. Несомненно, монгольская армия действовала успешно, профессионально и слаженно. Известно, что прежде чем осуществить крупный поход, ханские военачальники тщательно разрабатывали план действий, полагаясь на информацию разведывательных отрядов. О военной организации монголов известно немало, в частности, то, что монгольские конники являлись лучшими солдатами своего времени, побеждая не количеством, как считают многие исследователи, а качеством. «Чингис-хан со своим войском совершал то, что едва ли оказалось бы под силу современной армии, в первую очередь, благодаря тому, что войско не имело себе равных в отношении обучения, организации и дисциплины как среди современников, так и, пожалуй, за всю человеческую историю» [9, с. 718]. «Армии Чингисхана действовали удачно и через несколько месяцев в руках монгольского императора оказались почти все земли Изиньского государства, лежавшие на север от реки Хуанхэ. Только около десяти хорошо укрепленных городов, в том числе и средняя столица – Пекин, избежали этой участи» [10, с. 167]. Впоследствии, прежде чем взять Пекин в 1215 г., монголы осаждали его почти год. Отсюда следует, что, несмотря на боеспособность своей армии, хан все же избегал столкновения с крупными, хорошо укрепленными городами, опасаясь, скорее всего, длительной временной задержки при осаде города. «Чингис не предпринял тогда никаких наступательных шагов против Изиньской столицы, хорошо понимая всю трудность взятия большого города, отлично укрепленного..., потому что видел всю рискованность этого дела...» [10, с. 168]. Если же мы вспомним поход Батыя на Владимиро-Суздальскую Русь, то убедимся, что здесь захватчики осаждали как раз наиболее крупные города, четырнадцать из которых им удалось покорить всего за один месяц февраль, если верить сообщению русских летописей. Как такое может быть, если даже небольшой городок Торжок «задержал» монгольское войско на две недели. По замечанию Э. Хара-Давана, при продвижении к Китаю, после походов Чингисхана на Тунгут, монголы в течение нескольких месяцев ломали сопротивление цзиньской полевой армии [11, с. 124]. Так неужели русская армия настолько уступала китайской, что сопротивление защитников русских городов монголам удавалось сломить в считанные дни? Один только подвиг защитников печально знаменитого г. Козельска заставляет нас усомниться в этом. Хотя ко времени монгольского нашествия Русь, в силу определенных причин, не могла собрать единой мощной армии, все же военное искусство русских воинов находилось на достаточно высоком уровне для того времени и не на много уступало китайской армии.

Еще одним ярким примером военного искусства и скорости движения монгольских отрядов в процессе завоевания новых территорий является их поход в Среднюю Азию. В это время здесь было два крупных государства: Каракитайская империя и Хорезм. Чингисхан для обеспечения вторжения в Хорезм предпринял поход на Каракитайскую империю в 1217 г. И без того слабое государство Западное Пяо без труда было разбито отрядами молодого военачальника Джебе. Чингисхан аннексировал Западное Пяо. После этого хан развернул кампанию против Хорезма, которая длилась в течение шести лет, с 1218 по 1224 г. Внутреннее политическое положение Хорезма затрудняло организацию обороны страны. Шах со своими войсками отошел в глубь страны, в результате только народные силы защищали населенные пункты. Есть сведения, что при осаде г. Ходжент монгольских солдат было двадцать тысяч, а согнанных для осады окрестных жителей – пятьдесят тысяч. Здесь вновь можно провести параллель с завоеванием русских городов, защитниками которых были, в отличие от простых поселенцев, хорошо обученные воины-профессионалы. Почему же защитники-крестьяне задержали монголов в Хорезме на шесть лет, а профессиональные русские воины отдавали захватчикам города за считанные дни? Как и предыдущие походы Чингисхана, поход в Среднюю Азию был не менее успешным и все же не таким стремительным, как описанный в летописных текстах поход на Северо-Восточную Русь. В 1219 г. в битве при Дженде ни одной из сторон добиться успеха не удалось. В 1220 г. монголы начали наступление широким фронтом, в результате которого шах бежал. Пока Чингисхан шел на Бухару, его сыновья взяли Ходжент и Отрар и двинулись к Самарканду. Несмотря на боеспособность и стремительность монгольской армии, взятие укрепленных городов давалось им не так просто. В частности, семь месяцев продолжалась осада города Ургенча, в отместку за это жители его были подвергнуты самой жестокой расправе. Серьезное сопротивление завоевателям оказал расположенный на р. Мураб древний город Мевр – взять его удалось лишь в 1221 г. Это еще более подтверждает логичность выводов о том, что в Северо-Восточной Руси монголам понадобился не один месяц, как о том говорит Лаврентьевская летопись, а почти год (с февраля 6745 по март 6746 г.) для того, чтобы захватить Владимиро-Суздальскую землю.

Скорее всего, хронология похода Батыя на Владимиро-Суздальскую Русь выглядит таким образом:

7–8 февраля 1237 г. – осада и штурм Владимира.

4 марта 1238 г. – битва на р. Сить.

Февраль 1237 – март 1238 г. – покорение Владимиро-Суздальской земли, падение 14 городов.

Библиографический список

1. Селезнев, Ю. Орда и Русь / Ю. Селезнев // Родина. – 2003. – №11.
2. ПСРЛ. – Т. 3: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – М., 1997.
3. ПСРЛ. – Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – М., 1997.
4. Данилевский, И.Н. Русские земли глазами современников и потомков / И.Н. Данилевский. – М., 2000.
5. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – М., 1963.
6. ПСРЛ. – Т. 39: Софийская I летопись. – М., 1994.
7. Приселков, Н.Д. История русского летописания XI–XV вв. / Н.Д. Приселков. – СПб., 1996.
8. Лихачев, Д.С. Текстология / Д.С. Лихачев. – М.; Л., 1963.
9. Всемирная история войн. – СПб.; М., 1997.
10. Чингис-хан. – СПб., 1998.
11. Хара-Даван. Э. Чингисхан, как полководец, и его наследие / Э. Хара-Даван. – Алма-Ата, 1992.